

ПЛОТЬ И ЛАДАН

МОСИЕНКО В.С.

Валерия Мосиенко

ПЛОТЬ И ЛАДАН

<https://litres.ru/74158338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она учит других о страсти к Богу. Но не знала, что эта страсть может прийти в тишине и смотреть на неё через стёкла очков.

Она — теолог, женщина с огнём внутри и пышными формами, которые не стесняется. Её вера — живая, горячая. Но когда в полумраке старого храма её взгляд встречается с глазами молодого иподиакона, привычный мир рушится.

Его молчание становится громче любой молитвы. Его взгляд с отражённым пламенем свечи — наваждением, от которого нет спасения.

Её молитвы стали адом. Её мысли — изменой. Единственное спасение — источник её падения.

Что сильнее: обет или страсть? Молчание — стена или мост? И как отличить искушение от благодати, когда они пахнут одинаково — ладаном?

Роман-исповедь, где самое порочное чувство рождается в самом святом месте. Где спасение и падение носят одно лицо.

Содержание

Глава	4
Предисловие	5
От автора	6
Часть I: ИСКУШЕНИЕ ДУХОВНОЕ	9
Глава 1. «Пышечка с Посланиями»	9
Глава 2. «Сумка и ступени»	16
Глава 3. «Чай и симфония»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерия Мосиенко

ПЛОТЬ И ЛАДАН

Глава

Название: «ПЛОТЬ И ЛАДАН»

Автор: Мосиенко Валерия Сергеевна

Жанр: Психологический роман / Философская проза / Современная драма / Роман-исповедь / Религиозно-философская проза / История взросления / Литература о духовном поиске

Предисловие

Эта книга — попытка исследовать ту тонкую, опасную и невыразимо прекрасную границу, где духовный поиск встречается с человеческой страстью. Где святое и грешное переплетаются так тесно, что становятся неотделимы друг от друга. Где ладан храма и плоть сердца вступают в тихий, мучительный диалог.

Это история о падении и воскресении. Не в каноническом, а в самом что ни на есть человеческом смысле. О том, как любовь, пришедшая под маской искушения, может разрушить жизнь до основания — и тем самым дать шанс построить её заново. Уже не на песке иллюзий, а на камне выстраданной правды.

Здесь нет готовых ответов. Нет осуждения. Есть только попытка честно проследить путь двух душ, заблудившихся в лабиринтах веры, долга и желания.

Пусть каждый читатель найдёт в этой истории что-то своё. Утешение. Предостережение. Вопрос. Или просто — узнает в героях отголосок собственных внутренних бурь.

От автора

Вся история, персонажи, события и обстоятельства, описанные в этой книге, являются плодом художественного вымысла. Любые совпадения имён, характеров, ситуаций или деталей с реальными людьми, живыми или умершими, либо с реально произошедшими событиями — случайны и непреднамеренны.

Этот роман — не документальное свидетельство, а творческое исследование внутреннего мира, попытка разговора о сложном и многогранном через призму воображения. Все сходства с реальностью — лишь игра света и тени в зеркале литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

От автора

Часть I: ИСКУШЕНИЕ ДУХОВНОЕ

Глава 1. «Пышечка с Посланиями»

Глава 2. «Сумка и ступени»

Глава 3. «Чай и симфония»

Дополнительная глава: «Бездна»

Глава 4. «Рождественское целование»

Глава 5. «Греховные помыслы»

Глава 6. «Бегство»

Дополнительная глава: «Надпись на воде» (Глазами Алексея)

Глава 7. «Нежданная встреча»

ЧАСТЬ II: ПАДЕНИЕ

Глава 8. «Дружба в Telegram»

Глава 9. «Ночной звонок»

Глава 10. «Праздник, после которого»

Глава 11. «Неловкое признание»

Глава 12. «Спираль»

Глава 13. «Дно»

ЧАСТЬ III: ПЕПЕЛ

Глава 14. «Возвращение»

Глава 15. «Призрак за кафедрой»

Глава 16. «Фантомные боли»

Дополнительная глава: «Сон о двух свечах» (кошмар Агафьи)

Глава 17. «Весть»

ЧАСТЬ IV: ПЛОТЬ И ЛАДАН

Глава 18. «Поездка в скит»

Глава 19. «Тёплые речи. Его выбор»

Глава 20. «Заккрытие гештальта. Причастие»

Дополнительная глава: «Море в августе»

Эпилог. «Харизма выжившей»

Книга является художественным произведением.

Все события и персонажи вымышлены.

Любые совпадения с реальностью случайны.

Часть I: ИСКУШЕНИЕ ДУХОВНОЕ

Глава 1. «Пышечка с Посланиями»

Декабрьский воздух за окном аудитории был серым и сырым, но внутри царил атмосфера тропического циклона по имени Агафья Светлова. Вернее, Агафья Павловна, для первокурсников, робко жавшихся на задних партах.

— *Итак, коллеги, святой апостол Павел пишет коринфянам о любви!* — её голос, густой, грудной, без микрофона, заполнял пространство до последнего закоулка. — *И все мы эту цитату знаем: «Любовь долготерпит, милосердствует... не ищет своего...». Прекрасно. Возвышенно. Но давайте-ка прочтём, что было ДО этого!*

Она щёлкнула презентацией. На экране возник текст: *«Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший»*. Агафья обвела аудиторию победным взглядом, в котором искрилось что-то дерзко-детское.

— *Видите? Павел не говорит: «Успокойтесь, ребята, тише воды, ниже травы». Он говорит — ревнуйте! Жаждите! Горите желанием стяжать духовные дары! И только на этом огне, на этой внутренней страсти и взращивается*

та самая, кроткая и не ищущая своего, любовь. Без первого — второе просто духовная лень, прикрытая благочестием!

Взрыв смеха и оживлённого гудения. Агафья прошла вдоль кафедры, её ярко-синее платье в мелкий белый горох (немного тесноватое в груди, что она с деловитым достоинством игнорировала) колыхалось энергичным ритмом её мысли. Она ловила скептические взгляды, подмигивала, бросала реплики.

— Сомневаетесь? Вспомните Сергея Радонежского — он что, спокойно в лес ушёл? Да он, туда сгорая ушёл! Вспомните Серафима Саровского — «Стяжи дух мирен», да, но как он его стяжал? Тысячу дней на камне! Это же какая страсть к Богу должна быть? Это не прохладное «воцерковление», это — роман!

Студенты слушали, разинув рты. Лекции по «Основам православной культуры» обычно были скучным отбыванием повинности. Это же было шоу. Мыслительный экстрим.

Звонок прозвенел как обрыв на пике. Все вздохнули с сожалением.

— В следующий раз разберём, как эта богословская страсть преломляется в русской литературе. Достоевского готовьте! Не поленитесь! — крикнула Агафья им вдогонку, сгребая в сумку ноутбук, кипу конспектов и зачитанный до дыр том Библии в синодальном переводе.

В коридоре её нагнала коллега, тощая и нервная, как

жерьдъ.

— Агаша, ты опять ересь несешь! «Роман» с Богом! У нас первокурсники, они всё буквально понимать будут!

— Пусть понимают, Лидочка, — добродушно отмахнулась Агафья, роясь в сумке. — Лучшие уж буквально, чем никак. А, вот они!

Она с триумфом извлекла из глубины два пирожка с капустой, завернутые в салфетку. Один сунула в рот. Пирожок был уже холодным, тесто — немного жёстким, но вкус детства, столовки и простой земной радости разлился по нёбу.

— Главное, что душа требует, — сказала она с набитым ртом, зажмурившись от удовольствия. — А душа моя сегодня требует аскетичной капусты. И вечерни. Успеваю?

Она посмотрела на старые часы-«печку» на стене. Было без пятнадцати пять. Служба в Свято-Покровском храме начиналась в пять.

Бежать пришлось. Она мчалась по обледеневшим плиткам бульвара, сумка колотила по бедру, разлетающиеся пряди рыжеватых волн выбивались из-под шерстяной повязки. В горле першило от морозного воздуха. «Господи, сделай так, чтобы я не вспотела, это же кошмар», — мелькнула единственная суетная мысль.

Свято-Покровский храм, кирпичный, тёмно-красный,

будто навсегда впитавший в себя копоть и дожди, стоял, как твёрдая скала, в потоке спешащих с работы людей. Агафья, запыхавшись, влетела в притвор, сдержав на бегу порывистое движение, чтобы перекреститься. Резкая перемена: с морозной улицы — в тёплое, густое, пахнущее воском, ладаном и старым деревом пространство.

Вечерня уже шла. В полумраке, освещённом лишь отблесками лампад да редкими свечами в руках молящихся, плыл мерный, глубокий звук чтения. Не пели, а именно читали. Кафизмы. Псалмы.

Агафья зажгла свечу, поставила её перед знакомой иконой Спасителя, стараясь делать всё не торопясь, осознанно, гася в себе вихрь прошедшего дня. Потом отыскала своё привычное место у левого клироса, в тени колонны. Здесь её никто не видел, а она видела всё.

И тут она его заметила.

Нового иподиакона. Он стоял у царских врат, держа длинную, тонкую свечу. Молодой. Лет двадцати пяти, не больше. Высокий, но не худой, а какой-то... собранный. Вся его фигура в тёмной подряснике, от широких плеч до прямых, неподвижных ног, была воплощением сосредоточенного внимания. Лицо — бледное в отсветах пламени, с чёткими, почти строгими чертами. Но это первое впечатление тут же смягчилось, когда Агафья разглядела очки.

Не те громоздкие, казённые очки, что носят по необходимости. А тонкие, стильные, с круглой металлической оправой.

вой. Они лежали на его прямой переносице, и блики от свечей мерцали в стёклах, словно двойные звёзды, прикрывающие его взгляд. Эти очки делали его образ неожиданно современным, почти интеллектуальным, и в то же время отстранённым, словно он смотрел на мир через два круглых, хрустальных иллюминатора.

Он не просто служил. Он пребывал. Каждое его движение — плавный поворот к алтарю, лёгкий наклон головы — было лишено суеты, исполнено тихой, непререкаемой значимости. Он казался не частью этого мира суетных коридоров, пирожков и споров, а существом из иного измерения, где царил только этот мерный голос чтеца и струящийся дым ладана.

Агафья застыла. Весь её внутренний шум, вся её «харизма» и «огонь» разбились об эту тишину. Ей стало странно стыдно за свою запыхавшуюся спешку, за крошки от пирожка на платье, за громкость собственных мыслей.

И в этот момент чтец смолк. Наступила пауза, наполненная только треском свечей. Иподиакон поднял глаза.

Его взгляд, усиленный, отточенный медленно обвел храм. Он был ясным, глубоким и на удивление спокойным. Он скользнул по иконостасу, по молящимся... и встретился с её взглядом.

Агафья не отвела глаз. Не смогла. Она просто смотрела, замороженная, чувствуя, как что-то внутри неё замирает, а потом срывается с места и летит навстречу этому незнако-

мому свету, отфильтрованному через хрусталь.

Он смотрел на неё секунду, две. В его взгляде не было ни любопытства, ни осуждения. Был лишь вопрос. Тихий, безмолвный вопрос, усиленный бликами в стёклах: *«Ты кто? И что ты здесь забыла со всей своей земной, шумной, пышущей жаром жизнью?»*

Потом веки его дрогнули. Он медленно, как бы нехотя, опустил глаза снова, к полу, к свече в своей руке. Но щёки его, казалось, подёрнулись едва уловимым румянцем. Или это были лишь новые переливы пламени?

А в груди у Агафьи что-то ёкнуло, оборвалось и упало куда-то в тёмную, тёплую бездну. Она вдруг осознала, что стоит не дыша. И что весь храм, вся вечерня, весь мир сузились до одного простого, невозможного факта.

Она, Агафья Светлова, только что прочитавшая студентам лекцию о духовной страсти, только что с аппетитом съевшая пирожок, только что носившаяся по улицам, — была поражена в самое сердце. Молнией тишины. Именем которого, как она уже с ужасом и восторгом понимала, было — Алексей. Она не знала, как его зовут. Но она знала.

Хор запел «Свете тихий». Мягкий, печальный свет песнопения разлился под сводами. Агафья автоматически перекрестилась, шепча слова молитвы. Но её взгляд снова и снова возвращался к той точке у царских врат, где стоял молодой человек в очках, державший в своих спокойных, сильных руках не просто свечу, а, как ей теперь казалось, ключ

от какой-то двери в ней самой. Двери, которая только что со скрипом приоткрылась, выпустив наружу странный, тревожный, сладкий холодок.

Лекция, пирожок, бег... Всё это было в прошлой жизни. Начиналась новая.

Глава 2. «Сумка и ступени»

Вечерня отзвучала последним, тающим в подкупольной высоте «аминь». Обычно этот момент наполнял Агафью чувством тихого умиротворения, как будто её шумную, яркую душу аккуратно погладили по голове и укутали в мягкую ткань мира. Сегодня же мир не наступал. Всё её существо было настроено на одну-единственную частоту — присутствие того, кто стоял у алтаря.

Она задержалась, делая вид, что поправляет платок, на самом деле наблюдая краем глаза, как иподиакон гасил свечи, аккуратно складывал богослужебные книги, его движения всё такие же экономичные и осмысленные. Когда он скрылся в алтаре, она почувствовала странную пустоту, будто из храма ушло основное освещение.

«Соберись, дура», — мысленно отругала она себя, крестясь перед выходом. — *«Обычный парень. Служит в храме. И что?»*

Но это «и что» висело в воздухе густым, сладковатым напряжением.

На улице окончательно стемнело. Фонари зажгли жёлтые, нерешительные круги света на тротуаре, подчёркивая зимнюю синеву сугробов. Агафья выдохнула струйку пара, поправила тяжёлую сумку на плече и пошарила в кармане пальто в поисках второй перчатки. В левой руке она несла допол-

нение к сегодняшней ноше — полиэтиленовый пакет из библиотеки с двумя увесистыми томами по византийской эстетике. Именно этот пакет и стал орудием судьбы.

Она уже почти дошла до угла, где тротуар, вечно страдающий от коммунального невнимания, образовывал опасный уступ, когда подошва её полусапожек наткнулась на скрытую под снегом колдобину. Агафья отчаянно замахала свободной рукой, пытаясь удержать равновесие. Она устояла. А вот дешёвый полиэтилен — нет.

Раздался сухой, предательский шорох, и дно пакета рассталось со своими обязанностями. Два кирпичеподобных тома с глухим стуком шлёпнулись в рыхлый снег, а страницы, густо испещрённые пометками Агафьи, весело и предательски зашелестели на ветру.

«*Чёрт! Ну конечно!*» — мысленно выругалась она, чувствуя, как жгучая волна досады и неловкости поднимается к самым ушам. Она тут же опустила на корточки, роняя сумку с плеча, и начала судорожно сгребать книги, пытаясь собрать разлетевшиеся листки-закладки. Ветер норовил унести их в сторону грязного сугроба. В этот момент она чувствовала себя не докторанткой и яркой лекторшей, а неловким, огромным ребёнком, распластавшимся на тротуаре. Её ярко-синее платье вызывающе выделялось на фоне серого снега.

Именно тогда рядом с ней возникла тень.

Сначала она увидела обувь — не зимние ботинки, а тёп-

лые, аккуратные чёрные полусапоги. Потом подол тёмного пальто. Подняв голову, она встретилась взглядом с ним.

Он стоял, уже без подрясника, в обычной, но невероятно опрятной одежде: тёмное шерстяное пальто, тёмный шарф. На носу — те самые круглые очки, в которых теперь отражались не блики лампад, а жёлтый свет уличного фонаря и её собственная, смущённая фигура. Его лицо было невозмутимо, почти отстранённо.

Не сказав ни слова, он тоже присел на корточки. Его движения были лишены её паники — точные, быстрые. Он молча подобрал один том, аккуратно стряхнул снег, собрал несколько листков, бегло взглянул на исписанные поля (Агафья внутренне содрогнулась: там были её не всегда академичные заметки вроде «Бред!» или «Блестяще!»), и сложил всё в аккуратную стопочку. Потом проделал то же со второй книгой.

— *Спасибо*, — выдавила Агафья, голос её прозвучал неожиданно сипло. — *Я... неловко.*

Он ничего не ответил. Просто кивнул, взгляд его скользнул по её лицу и тут же вернулся к книгам. Молчание было настолько плотным, что в нём звенело.

Проблема была в следующем: два мокрых от снега кирпича и тяжеленная профессиональная сумка. Взять всё в две руки было нереально. Агафья уже мысленно готовилась к унижительной процедуре переноса всего этого хозяйства в

два захода, как он снова, без единого слова, решил всё за неё.

Он взял обе книги, прижал их к себе, а потом свободной рукой поднял её профессиональную сумку. Та бесцеремонно оттянула его руку вниз — она была набита не только ноутбуком, но и несколькими бутылками домашнего кваса от коллеги, папкой с студенческими работами и запасной парой балеток на случай, если ноги заболят от каблучков. Он лишь слегка выпрямился, приняв вес, и кивком головы показал направление: вперёд.

— *Я сама...* — начала Агафья, но он уже сделал первый шаг. Ей ничего не оставалось, как подхватить свою дамскую сумочку и засеменить рядом.

Они шли в полнейшей тишине. Только их шаги — его мерные и твёрдые, её частые и немного сбивчивые — отступивали по тротуару странный совместный ритм. Агафья горела. Она чувствовала каждый его взгляд (краем глаза она ловила, как он иногда смотрит прямо перед собой, но стекла очков скрывали направление его глаз), каждое движение его плеча под тяжестью её сумки. Эта молчаливая помощь была одновременно рыцарским жестом и непреодолимой стеной. В нём не было ни капли желания завязать разговор, продлить этот контакт. Он просто нёс тяжесть, потому что так было правильно. Эта правильность сводила её с ума.

Они дошли до остановки, где уже копошилось несколько человек. Он поставил сумку на относительно сухую лавочку, аккуратно положил сверху книги.

И тогда он наконец посмотрел на неё. Прямо. Через эти круглые стёкла. Его глаза вблизи оказались не холодными, а... глубокими. Как вода в колодце в безветренный день. Спокойными до бездонности.

— *Аккуратнее*, — сказал он. Только одно слово. Голос у него был тихий, низкий, без привычной для молодых людей скороговорки или нарочитой мужественности. Он был как его движения — точен, выверен и содержал в себе итог: предупреждение, констатацию, точку.

Прежде чем она смогла вымолвить что-то вроде «Большое спасибо» или «Давайте я хоть донесу», он уже повернулся и пошёл обратно, в сторону храма. Не быстро, но неотвратно. Его тёмная фигура растворилась в зимнем вечере, став его частью.

Агафья осталась стоять у лавочки, ощущая на щеках ледянящий ветер и внутренний жар, от которого захватывало дух. Слово «аккуратнее» звенело у неё в ушах. Оно было таким личным и таким безличным одновременно. Заботой о её неловком теле, споткнувшемся о неровность, и в то же время — универсальным напутствием миру, полному подобных неожиданных разрывов.

Автобус подъехал, заскрипев дверьми. Она с трудом взгромодила своё имущество внутрь, устроилась у окна. И только когда автобус тронулся, она позволила себе глупо улыбнуться, глядя на отражение в тёмном стекле.

Весь её внутренний монолог, обычно такой бурный и по-

лемичный, смолк. Осталось лишь простое, навязчивое ощущение. Ощущение того, как его пальцы — длинные, с ровными суставами — держали корешок её книги. Как он без усилия принял на себя вес её мира, упакованного в сумку. И как два круга стекла на его лице стали для неё в этот вечер самыми загадочными и самыми желанными объектами во вселенной.

«Аккуратнее». Слово-стена. Слово-ключ. И за этой стеной, как ей уже безумно хотелось верить, скрывалось нечто большее, чем просто молчаливая вежливость послушника.

Глава 3. «Чай и симфония»

Тишина по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.